

Интервью известного эксперта-исламоведа из Татарстана.

- Уважаемый Раис, стало известно, что против вас начато уголовное преследование. Не могли бы вы рассказать, в чем вас обвиняют?

- Все началось ещё в прошлом, 2015-м году. Я известен как специалист по проблемам и процессам, происходящим в национальной и религиозной среде в Поволжье и конкретно в республике Татарстан. Среди прочего я исследую зарубежное влияние, в первую очередь стран Ближнего Востока, на исламскую общину республики Татарстан и на политические процессы, имеющие место в национальных республиках Поволжья. Естественно, изучая процессы, я давал анализ всей совокупности этнорелигиозной картины в регионах, в том числе и действий региональных властей. Понятно, что слышать критические отзывы местной власти не нравится, тем более когда есть за что их справедливо критиковать.

С началом российско-турецкого конфликта, после сбитого Турцией 24 ноября 2015 года российского боевого самолета в небе над Сирией на мои публикации о турецком влиянии в Татарстане, естественно, обратили внимание. Вследствие испорченных отношений между Анкарой и Москвой Турцию стали выдавливать из России. В Татарстане, где связи с Турцией очень значимы, причем не только в экономике, но и в сфере политики, культуры, образования, в религиозной среде, мои публикации стали сильно раздражать протурецкие элементы в правящей элите Татарстана.

Тогда было принято решение пойти в отношении меня путем репрессий. Было проведено специальное совещание, на котором была дана команда некоторым местным силовым органам начать моё преследование.

- Вам стало известно о ситуации из каких-то своих источников?

- Да, я знаю о ней через свои источники. Министр внутренних дел Татарстана Артем Хохорин публично еще в декабре 2015 года в интервью казанской интернет-газете «Бизнес Онлайн» заранее анонсировал мое будущее уголовное преследование, что лишний раз подтверждает заказной характер дела Раиса Сулейманова.

Постараюсь объяснить, как все было. Интернет-газета «Бизнес-онлайн» периодически проводит интернет-конференцию с кем-нибудь из государственных деятелей, политиков, известных личностей. А формат интернет-конференции предполагает, что читатели «Бизнес Онлайн» вначале присылают свои вопросы, а потом, когда в студию приходит гость, ему их задают. Так вот, одним из таких гостей был министр внутренних дел Татарстана Артём Хохорин. Он был назначен министром в 2012-м. В том году летом в Казани произошел теракт в отношении тогдашнего

муфтия Ильдуса Фаизова, а его сподвижника, крупного богослова Валиулла Якупова застрелили террористы в подъезде своего дома.

После трагических событий состоялось заседание местного парламента - Государственного совета республики Татарстан, и выступавший там недавно назначенный глава МВД Татарстана Артём Хохорин сказал: «Наиболее радикальные течения ислама нашли немало сторонников в нашей республике. Более того, за последние годы сформировалось целое поколение молодежи, воспитанное в таком духе. Сегодня примеры салафизма есть среди имамов мечетей и простых граждан во многих районах республики. Все настойчивее они стремятся проникнуть в органы власти и заручиться их поддержкой».

Более того, в опубликованном репортаже по выступлению главы МВД Татарстана Артёма Хохорина он перечислил даже целые районы Татарстана, где начали концентрироваться религиозные радикалы. А также рассказал про факты финансирования бизнесом исламистов. То есть министр сказал все очень верно и точно.

И вот спустя три года, когда я узнал, что «Бизнес Онлайн» будет проводить с ним интернет-конференцию, я написал свой вопрос министру: «В 2012 году сразу после теракта в отношении тогдашнего муфтия и убийства богослова Валиуллы Якупова в своем выступлении вы сказали, что в Татарстане есть такое явление, что «все более настойчиво для достижения своих целей салафиты стремятся проникнуть в органы государственной власти, заручиться их поддержкой». Понятно, что три года назад вслух назвать примеры нельзя было, но можете ли вы сейчас, уже спустя столько времени, привести примеры того, как салафиты в Татарстане находят поддержку и покровительство у чиновников, бизнеса, как пытаются проникнуть в органы государственной власти?»

Когда министр пришёл в редакцию интернет-газеты «Бизнес Онлайн», ему задали мой вопрос. И глава МВД Татарстана Артём Хохорин ответил на него так: «На вопрос Раиса Сулейманова я отвечать не буду, потому что он в своих информационных ресурсах уже перешел грань дозволенного. Поэтому скоро в отношении него будет возбуждено уголовное дело по статье «Экстремизм». Так и напишите».

Получается следующая картина. Министру задают вопрос, напоминая слова, им же самим сказанные ранее и публично с высокой трибуны, а вместо ответа на конкретный вопрос министр обещает вам завести на вас же уголовное дело за экстремизм. Вы где-нибудь подобное видели? Вам известен такой же случай?

И вот теперь представьте, что вы из СМИ узнаете, что вам вот так загодя сообщает местный министр внутренних дел, что на вас заведут уголовное дело, причем без всяких объяснений, заранее вам сообщают. То есть вам сразу анонсируют вашу участь. Вот такое вообще нормально? В Татарстане, видимо, теперь считается нормальным.

- Поэтому вы считаете свое уголовное преследование политическим заказом?

- Поэтому я считаю, что здесь политический заказ. Начать мое уголовное преследование - не личная инициатива главы МВД Татарстана. Предполагаю, что дальше дело было так. По мне прошло закрытое совещание в Казанском Кремле с участием руководства аппарата президента Татарстана, министру внутренних дел Татарстана Артему Хохорину дали установку в отношении меня, он, в свою очередь, вызвал своего подчиненного - начальника Центра по противодействию экстремизму, а тот вызвал какого-то своего оперативника.

Последний пошел простым и нехитрым путем - полез в социальные сети. На моей странице «В.Контакте» он увидел размещенные ссылки на мои же собственные материалы: на мое

интервью одному французскому изданию по теме исламского экстремизма в России и на статью одному русскоязычному изданию в Башкортостане, где я даю комментарий по поводу отъезда мусульман из Поволжья в ИГИЛ. Обе публикации - и на французском языке, и на русском - сопровождалась в качестве иллюстрации фотографиями с изображениями боевиков ИГИЛ и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», где члены организаций стояли со знаменами. Естественно, фотографии были в оригинале публикации, я их гиперссылкой всего лишь переопубликовал на свою страницу «В.Контакте».

Как известно, когда размещаешь гиперссылку на какой-то материал, то автоматически появляется и фотография из оригинала публикации. В Центре по противодействию экстремизму МВД по Татарстану все интерпретировали как «публичную демонстрацию атрибутики экстремистских организаций», абсолютно не беря в расчет контекст публикации фотоизображений: они были помещены в текстах статей как иллюстрация, а сами тексты носили критический и разоблачающий характер по отношению к экстремистским организациям.

На меня завели административное дело по статье 20.3 КоАП («Публичное демонстрирование атрибутики экстремистских материалов»). Я думал, что оно закончится предупреждением и максимум штрафом. На худой конец его можно будет обжаловать. А районный суд 30 декабря 2015 года приговаривает меня к семи суткам административного ареста. И за что? За republication собственного интервью и статьи с моим комментарием и за то, что при republication вышли фотоизображения запрещенных организаций. Естественно, что в моих материалах была критика, суд же их интерпретировал как пропаганду.

Причем показательно, что решение было принято 30 декабря. Видимо, с расчетом на то, что за новогодней суетой никто особо не заметит. Однако не сработало. Началась мощная общественная кампания в мою поддержку, в том числе в СМИ и Интернете. Все понимают, что налицо беспредел и политический заказ. И общественная поддержка, по-видимому, оказала воздействие. Власти Татарстана вынуждены были с ней считаться. На следующий день, 31 декабря 2015 года, после того, как я сутки провел в камере спецприемника для административных правонарушителей, я обжаловал свой арест в Верховном суде Татарстана, и административный арест мне заменили штрафом.

- Вас отпустили на свободу?

- Да. Дальше были новогодние каникулы. Власти Татарстана, анонсировав устами главы местного МВД будущее мое уголовное дело, решили тщательно подготовиться, чтобы не допустить такого же прокола с общественной поддержкой Раиса Сулейманова. Со второй половины января 2016 года началась новая кампания - очернение меня в СМИ, в том числе федеральных. В таких изданиях, как «Комсомольская правда», «Труд», «Новые известия», «Полит.ру», стали последовательно выходить абсолютно одинаковые по своему содержанию статьи, направленные на мою дискредитацию.

Писали, например, что Раис Сулейманов совершенно не разбирается в этнорелигиозной ситуации в Поволжье, ничего не понимает в религиозных процессах, происходящих в Татарстане, его никто не считает за специалиста. Тексты были настолько топорно, глупо и неубедительно написаны (тот, кому поручили задание организовать кампанию по моему очернению, явно с ней не справился), что все было очевидно любому.

Например, в одной из таких статей в «Комсомольской правде» утверждался откровенный бред, что, дескать, Раис Сулейманов никогда не был знаком с убитым террористами в Казани в 2012 году крупным мусульманским деятелем Татарстана и богословом Валиуллой Якуповым. Такое было даже смешно читать - всем известно, как мы с ним общались, он регулярно приглашал меня на свои конференции, а я его - на те, что организовывал я. Валиулла хазрат Якупов был тем

человеком, который очень сильно на меня повлиял. Именно он посоветовал мне начать исследовать этнорелигиозную ситуацию в родном Поволжье. Раньше я занимался Ближним Востоком, а в 2009 году после общения с Валиулла хазратом перешел на изучение этнорелигиозной сферы в Татарстане. Сам Валиулла Махмудович сильно переживал, что среди татар распространяется ваххабизм, а у нас очень мало светских ученых, которые изучают проблему религиозного радикализма. Потому что тема опасная. Валиулла хазрат тогда сказал мне, что «Ближний Восток уже давно в мечетях Татарстана», давая понять, что все те радикальные движения, про которые мы так часто слышим применительно к Ближнему Востоку, имеют своих сторонников и последователей в Поволжье.

Потом кампания травли продолжалась уже в социальных сетях и блогах Живого Журнала. Мне ставили в вину, что какая-то группа украинских националистов в соцсети «В.Контакте» опубликовала сочувственный пост в мою поддержку, дескать, преследуют друга украинского народа. То же самое, как по команде, растиражировали разного рода ура-патриотические паблики в соцсетях. О том же принялись писать даже гламурные блогерши типа Лены Миро: мол, посмотрите, его поддерживают всякие там бандеровцы. То есть из соцсетей все перешло в ЖЖ, в сегмент платных публикаций.

Потом через свои каналы я выяснил, что публикации в федеральных СМИ были проплачены. Так же, как и те публикации «В.Контакте», которые имеют по 100-200 тыс. подписчиков. Причем мне признался в заказе администратор одного из таких лжепатриотических пабликов: за публикацию любой новости они берут деньги. То, что паблики «В.Контакте», имеющие большую аудиторию подписчиков, зарабатывают таким образом, и что подобный бизнес неплохо отлажен, многим известно уже давно.

На что был расчет? Зачем была кампания очернения? Человека надо максимально дискредитировать, унижить, очернить, чтобы после начала уголовного преследования общественная поддержка в СМИ и Интернете оказалась как можно меньше.

- И когда же началось само дело?

- 6 февраля 2016 года мне позвонил следователь, полковник юстиции Алексей Андрушкевич, пригласил в качестве свидетеля на допрос. По какому делу - не сказал. 8 февраля, в понедельник, я пришел на допрос и узнал, что я теперь не свидетель, а подозреваемый. И на меня заводится уголовное дело по 282-й статье, часть вторая, пункт «б» - возбуждение ненависти с использованием своего служебного положения. А какое у меня служебное положение? Я - учёный, эксперт, исследователь.

Честно говоря, я столкнулся с таким впервые. Мне неизвестны другие случаи привлечения с таким дополнением - «Используя свое служебное положение». Чтобы человека не только судили за возбуждение ненависти, а еще и потому, что он - ученый.

Я стал знакомиться с делом. Там были заключения двух специалистов. Первое - лингвистическое заключение, сделанное экспертом СУ СК Элеонорой Кокушкиной, как потом я выяснил, получившей заочное филологическое образование. В общем-то, вызывает вопросы, насколько человек, отучившийся заочно, может делать лингвистические экспертизы.

Второе - психологическое исследование кандидата педагогических наук из Набережночелнинского филиала Казанского федерального университета Ольгой Нургатиной. Ранее Нургатина уже сочиняла по делам по 282-й статье экспертизы с заведомо обвинительным уклоном. Насколько кандидат педагогических наук (тема ее диссертации «Психолого-педагогическое сопровождение подготовки менеджера в вузе»), область научных исследований которой вообще никак не связана с проблемой выявления экстремизма, может быть компетентен

как специалист и делать психологические исследования, на основе которых выносятся заключение, - вопрос открытый. В основе исследования Нургатиной лежит анализ все той же самой моей страницы «В.Контакте». Я прочитал её заключение. Выводы ею сделаны по названиям, по заголовкам - представляете! - статей, опубликованных в «Московском комсомольце», на сайтах «Regnum», «Eurasia Daily» и других. На моей странице обычно дается заголовок статьи и гиперссылка на оригинал публикации, обычно цитата из текста статьи. И вот Нургатина приходит к заключению, что моя работа может «спровоцировать рост социальной напряженности в обществе».

Следователь ставит мне в вину - именно в вину, - что я писал о террористических организациях на территории Татарстана. Что, честно говоря, меня удивляет, потому что такие группы действительно появлялись в Татарстане с 1999 года, и периодически устраивали теракты.

- Они были как-то выявлены и осуждены?

- Да. В 1999 году в городе Кукмор на северо-западе Татарстана появился джамаат, члены которого устроили теракт на газопроводе на границе Татарстана и Кировской области. В 2004-м исламский джамаат возник в райцентре Рыбная Слобода. Члены джамаата были пойманы и привлечены к ответственности. В 2005 году был осуществлен теракт в Бугульме на газопроводе. В 2010-м в Нурлатском районе Татарстана банда боевиков попыталась аж в лесу засечь лагерем, их оттуда выжили, зашли в одну деревню, там заняли дом и оттуда вели перестрелку, пока их не убили. В 2012 году террористическая банда из города Чистополь устроила теракт в отношении тогдашнего муфтия Ильдуса Фаизова, подорвав его машину, в которой он находился. Он чудом остался жив, но был ранен. А вот его сподвижник, богослов Валиулла Якупов был расстрелян в подъезде своего дома. В 2013 году поджигали церкви в Татарстане и обстреливали из самодельных ракет нефтезавод в Нижнекамске.

То есть террористические банды периодически возникают в Татарстане. Часть из них уезжает в другие страны или регионы России на джихад: на Северный Кавказ, в Афганистан или - как в последние годы - в Сирию.

Возвращаясь к делу. После того, как следователь объявил мне, что против меня возбуждено уголовное дело, сотрудники ЦПЭ приехали ко мне на квартиру с обыском. Обыскали мою большую - как у любого учёного - домашнюю библиотеку. Девять книжных шкафов. Забрали мой сотовый телефон, с которого я мог выходить в Интернет. Забрали у меня флэшку, но она, кажется, вообще была пустой. Забрали три моих блокнота с конспектами, записями, телефонами.

Я проживаю вместе со старенькой бабушкой, за которой ухаживаю. У неё в шкатулке нашли значок с флагами исламских организаций. Я спросил у бабушки: откуда он у неё, что за значок. Она говорит, что гуляла по Казани, возле мечети раздавали значки, она и взяла. Теперь его изъяли как улику против меня.

Затем из моей папки забрали составленный мною список жителей Татарстана, уехавших воевать в ИГИЛ. Я вел такой учет, анализируя СМИ, с 2012 года, там имена, фамилии, отчества. Всего 17 человек.

Кроме того, взяли ещё один составленный мной список. В Казани с 2014 года и на протяжении всего 2015-го в разных частях города появлялись антироссийские и русофобские надписи на зданиях церквей, стенах домов, в подземных переходах. Лучше, наверное, их дословно не цитировать, а то тоже посчитают экстремизмом, но по содержанию в некоторых таких граффити были призывы к русским уезжать из Татарстана. И я составил хронологию, где и когда появлялись подобные надписи.

Потом поехали на квартиру к моей матери. У нее забрали ноутбук, её флэшку, мой старый планшет. Там же я хранил большой научный архив материалов и документов по разным национальным и религиозным организациям, которые действовали в Поволжье с 1990-х годов. Там все уложено в папки, в коробках. Они перерыли все коробки и в одной из них нашли номер газеты «Русский порядок» - такая выходила в 1990-е годы, издавалась РНЕ. Также нашли ксерокопию другого номера и нашли какую-то брошюру. И всё забрали.

Во время допроса следователь очень настойчиво требовал, чтобы я подписал акт о неразглашении тайны следствия. То есть сейчас я бы не мог вам все рассказывать. Я категорически отказался подписывать. Во-первых, потому, что не считаю, что в моем деле есть какая-то государственная тайна или военные секреты. Во-вторых, меня судят за публичные высказывания, за публикации «В.Контакте», так что и скрывать-то что-либо тут сложно. Тогда следователь попробовал психологически на меня надавить, заявив, что он запишет мой отказ на видеокамеру. Но я то же самое повторил и на камеру. Тем более без адвоката ничего подписывать не собирался (у любого человека есть такое право).

С меня взяли обязательство о явке. Оно не мера пресечения, а обязательство ходить на допросы. Я даже спросил, могу ли я ездить в Москву на научные конференции, мне ответили, что да, только надо предупреждать, в какие дни могу ездить.

Наличие политического заказа в моем деле очевидно любому: даже мои недоброжелатели все понимают, правда, злобно потирая руки. Видите ли, я оказался тем пророссийски ориентированным татаринном, который не боится высказывать свою позицию публично и который не разделяет политические устремления правящей в Татарстане элиты, ориентирующейся на Турцию или Саудовскую Аравию. За что меня и прессуют.

- А оказывалось ли на вас какое-либо давление до конца предыдущего года, до российско-турецкого конфликта?

- Все годы, что я занимался изучением этнорелигиозной ситуации в Поволжье, к сожалению, с властями Татарстана у меня было недопонимание. Причем оно исходило от самих властей Татарстана. Они видели во мне того учёного, который не поддерживает их устремления к региональной самостийности, демонстрирует пророссийскую ориентацию, изучает радикальные течения ислама, положение нетитульных этносов в Татарстане, что, по их мнению, ударяет по имиджу Татарстана как островка всеобщей толерантности. Известно, что в национальных регионах существуют определенные проблемы, связанные с положением нетитульного населения. В Татарстане, говоря о нетитульном населении, мы имеем в виду в первую очередь русских и кряшен (самобытный православный тюркский этнос). Кстати, мне поставили в вину также то, что я пишу о национальных проблемах русских в Татарстане (в постановлении о возбуждении уголовного дела звучит как разжигание вражды).

Случаи давления на меня были и ранее. В 2013 году прокуратура Татарстана вынесла мне предостережение о недопустимости экстремистской деятельности. Оно было связано с моим материалом об одной деревне, где поселились мигранты-таджики. В общем, проблема в России довольно известная - мигранты заселяются в крупных городах, а в Татарстане они стали селиться еще и в деревнях. Я выезжал в несколько таких населенных пунктов, в деревни, где проживали мигранты и возникали конфликты. В том числе я был в одной из деревень, где поселились мигранты-таджики. Я описал данное явление. Сотрудник прокуратуры мне тогда вменил в вину, что я написал про пять таджикских семей, в то время как по их прокурорской проверке, которую они провели после моей статьи, семей оказалось всего четыре. Семьи у таджиков в деревне, где они поселились, были большие, я записывал информацию со слов местных жителей, а им, наверное, сложно различить, сколько именно там семей - четыре или пять. Но прокурорский

работник заявил, что я занимаюсь преувеличением и разжиганием розни. И вынес мне предостережение. Мои попытки обжаловать его в судах Татарстана закончились ничем.

Сам я сейчас пока на свободе, с меня взято уведомление о явке следователю, нанял адвоката, сдаваться или прогнаться не намерен, настроение рабочее, продолжаю работать, хотя, понятно, что уголовное дело весит надо мной как дамоклов меч.

- Подводя итог, в чем именно вас обвиняют?

- Мне ставится в вину, что в своих публикациях и комментариях с 2011-го по 2016 годы (несколько сотен текстов) я разжигал ненависть. Причем не уточняется, в каких именно текстах, просто берется хронологический отрезок в пять лет. Следователь пока не пояснил мне, о каких конкретно текстах идет речь. Если дело дойдет до суда, то мне светит наказание в диапазоне от крупного штрафа, общественных работ, запрета заниматься какой-то деятельностью до условного или реального срока до пяти лет. Более чем уверен, что власти Татарстана постараются надавить на следственные органы, прокуратуру и суд, чтобы они с заведомо обвинительным уклоном завершили мое дело.

Себя я не считаю преступником. Разве в Татарстане нет турецкого влияния? Разве не появляются здесь периодически террористические организации? Разве нет национальных проблем в Татарстане? И почему «негативная оценка действий властей Татарстана», то есть критика, теперь считается проявлением экстремизма?

- Не считаете ли вы, что вся ваша история, помимо прочего, показывает: есть некие региональные идентичности, которые не покрываются идентичностью общероссийской?

- За последнюю четверть века после распада СССР гражданская общероссийская идентичность уступает место ярко выраженной региональной идентичности - вплоть до того, что в сознании людей есть представление, что Россия - нечто другое, соседнее, не всегда дружелюбное. Например, в Татарстане ходил такой очень характерный анекдот: «Садится татарин на поезд «Казань-Москва» и говорит: «Ну, поехали в Россию!» То есть у людей формируют представление, основанное на противопоставлении региональной идентичности общероссийской. Часто она может основываться на этническом факторе. Даже живущим в Татарстане русским пытаются привить местную региональную идентичность, татарстанскость, противопоставления ее остальной России. В местной прессе такое стараются делать через негативные публикации про якобы зажавшуюся Москву, постоянно пишут о том, что якобы благодаря суверенитету Татарстана всем жилось хорошо в республике, забыв упомянуть, кто в первую очередь нажился на региональном сепаратизме 1990-х годов. В Татарстане некоторые персонажи надеются, что удастся повторить сепаратистский реванш 25-летней давности, как только федеральный центр ослабит свои позиции.

До сих пор имеет место саботаж федерального законодательства. Так, в 2010 году были приняты поправки в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», согласно которым все национальные республики в срок до 1 января 2015 года должны переименовать название должностей руководителей своих регионов. К 2015-му все руководители республик, кроме Татарстана, отказались от должности «президент» и стали именоваться главами. Используя свои лobbистские возможности на федеральном уровне, Татарстану удалось отсрочить переименование ещё на год - до 1 января 2016 года. Сейчас уже февраль 2016-го, а в Татарстане никто и не собирается соблюдать в указанной части федеральное законодательство.

http://4pera.ru/news/tribune/rais_suleymanov_nalichie_politicheskogo_zakaza_v_moem_dele_ochevi_dno_lyubomu/